

**К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛА
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКЕ:
ГЛУБОКАЯ СЕМИОТИКА
КАК КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ**

Г. А. Тульчинский^{1,2,3}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

³ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 29.05.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-2

Знаковые системы связаны с социальными практиками, в которых они служат средством фиксации, хранения и распространения социального опыта. Они воздействуют на сознание человека с целью изменения характера осмысления действительности, смысловой картины мира и поведения. Знаковая функция выполняется практически каждым артефактом культуры. Развитие знаковых систем породило специальные знаки, которые замечают артефакты, обозначая их. Иконические знаки делают это на основании отношения подобия, индексные знаки на основе каузального отношения, символы – на основе социальной конвенции. Язык является важнейшей системой символизации. Фактически язык является путеводителем по нормативно-ценностным системам социально-культурной практики. В работе представлена модель глубокой семиотики как смысловой структуры социального опыта, которая опредмечивается в материальной форме знака (означающем). Эта структура включает материальную форму знака, его предметное значение, социальное значение и личностный смысл (оценочное отношение и переживание). Эта структура представляет уровни и динамику процесса усвоения социального опыта, его субъективацию (распредмечивание, понимание). Одновременно модель демонстрирует объективацию (опредмечивание, воплощение) опыта. Компоненты смысловой структуры предстают также уровнями осмысления: идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием).

Ключевые слова: *воплощение, герменевтика, глубокая семиотика, осмысление, смыслообразование, социальная семиотика, социальный опыт.*

От экономики культурных индустрий и образовательных технологий до символической политики и информационных – постепенно, но убедительно социальная семиотика демонстрирует возможности междисциплинарной интеграции исследований широкого круга состояний и динамики социально-культурной действительности (Кошелев, 1994; Halliday, 1978; Leeuwen, 2005; Randviir, 2004; Press, 1991). В этой связи

хотелось бы обратить внимание на возможные перспективные расширения ее концептуального аппарата. Речь идет о систематизации смысловой структуры социального опыта, воспроизводимого и транслируемого с помощью знаковых систем.

Животное распознает мир через генетическое *apriori*. Генетический «код» делает мир «его миром». Человек — не просто социальное существо. Он вырвался из зависимости от природных условий, обрел способность приспособления к среде не за счет эволюции *homo sapiens* как вида, а за счет «эволюции» самой системы стимулов и детерминаций своей жизнедеятельности посредством вспомогательной системы таких детерминаций.

В узелке на память, в пирамиде, в книге, в дискете, в техническом инструменте, в научном приборе проявляется то глубинное и существенное, что отличает регуляцию деятельности и сознания человека как существа исторического. Если опыт исторического человека рассматривать как специфический вид памяти, то особенность такой «памяти» отнюдь не в объемных характеристиках, а в качественно ином ее характере. От непосредственных запоминаний и удерживаний впечатлений человек переходит к опосредованным с помощью социальных средств, позволяющих ему регулировать и направлять свою память и опыт. Причем делается это в историческом развитии все более осознанно, целенаправленно и дифференцированно. С этой точки зрения, любое средство, предмет и продукт социальной жизнедеятельности выступает средством распредмечивания опредмеченного в нем социального опыта, регуляции этого опыта.

Будучи связанными с определенными программами социально-практической деятельности, любые элементы культуры носят знаковый характер. Вещи, поступки, явления природы в контексте определенных культур обладают семиотичностью не меньшей, чем языковые тексты. Национальный костюм, постройка и утварь (в принципе — любая вещь) обладают целым спектром значений (функций), определяемых видом деятельности, в котором они фигурируют (Богатырёв, 1971). Словесный текст является лишь частным случаем реализации модели мира наряду с другими знаковыми системами: жилищами, орудиями труда, бытовыми предметами и т. д. Каждая вещь существует, указывая на другие вещи, с которыми она находится в реальном взаимодействии, и чем шире круг этих взаимодействий, тем она осмысленнее.

Предметы и явления действительности становятся знаками, когда они используются как средства распредмечивания опредмеченного в них социального опыта, то есть как средства осмысления действительности. Знаком оказывается «всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением — чужим или собственным» (Выготский, 1960, с. 111–112). Значения знаков суть социально-практическая деятельность. Поэтому, когда мы говорим о детерминации осмысления действительности, то имеем в виду регулирующую роль самой социальной практики. Ее средства (орудия и предметы) выполняют свою знаковую функцию, распредмечивая

опредмеченное в них значение: либо собственное, либо несобственное — как это имеет место в случае с языковыми знаками, сквозь которые «просвечивают» другие значения.

Знаки, будучи связанными с программами социальной деятельности служат средством фиксации, хранения и распространения социального опыта. Своим объектом воздействия они имеют сознание человека, а целью — изменение характера осмысления действительности, смысловой картины мира и поведения.

Передача социального опыта осуществляется прежде всего путем прямого вовлечения в совместную деятельность. Поэтому первичными знаками выступали (и выступают сейчас в процессе индивидуального развития) непосредственно орудия и предметы социальной практики. Особую роль при этом играют орудия труда. Неосознанно выработанные, также неосознанно, путем подражания, передаваемые от одного индивида к другому, трудовые операции, опредмеченные в орудиях труда, были сначала эквивалентом знака, то есть способом социального воздействия на индивидуальное поведение. Точнее, орудия труда были и есть не эквиваленты знаков, а собственно первичные знаки, имеющие собственное предметное значение. Однако по мере усложнения и дифференциации общественной практики все меньше остается возможностей для непосредственной передачи социального опыта. Возникает необходимость в объектах-заместителях. Появляются знаки, по которым судят о других, находящихся с ними в причинной связи: жесты, признаки и т.п. Кроме этих — индексных — знаков начинают использоваться также знаки иконические, не имеющие реальной связи с обозначаемым, но внешне подобные им: рисунки, схемы, подражательные звуки.

Следует подчеркнуть, что изначально индексные и иконические знаки предназначались не только и не столько для целей коммуникации, сколько для целей познания и практического освоения мира. Даже в таких формах, как магические. С индексными и иконическими знаками связаны соответствующие основные виды магии: контагиозная и гомеопатическая. Первая апеллирует к отношениям части и целого, причины и следствия. Например, когда пытаются, воздействуя на часть предмета или тела (осколок, ноготь, волос, пища), добиться определенных целей относительно самого предмета. Вторая апеллирует к отношению подобия, когда манипуляции с изображением, рисунком, фотографией предполагают воздействие на изображаемый предмет. В принципе эти фундаментальные отношения сохраняются и в современной науке. Так, прямым аналогом контагиозной магии является эксперимент, а моделирование — прямой аналог магии гомеопатической.

Полный разрыв замещаемого и замещающего происходит в языке, где эти стороны знака становятся «независимыми». Обусловлено это тем, что языковые знаки являются знаками вторичными, знаками знаков. Их функция состоит в передаче социального опыта без непосредственного обращения к средствам практики, уже осмысленным в деятельностином контексте. За время исторического развития цивилизации языковые средства прошли радикальное развитие от языка жестов и звуковой речи через письменность и печать к современным электронным средствам языковой коммуникации.

Любой язык — русский, английский, японский — задает *a priori* личности, формируя код, делающий мир «моим миром». И этот мир всегда — русский, японский, китайский... Язык как «путеводитель по культуре» выполняет программирование личности конкретной культурой. Платон, Аристотель, Гегель, Хайдеггер, Витгенштейн — великие исследователи этой возможности языка¹.

Однако редукция знака к языковому знаку вряд ли является корректной. Она обусловлена большей явностью, эксплицитностью соотношения означающего и означаемого в языке по сравнению с другими знаковыми системами. Эксплицитность эта предопределена несобственностью значения языковых знаков. Поэтому в определенном плане осмысление природы языкового знака является ключом к знаковому анализу в других сферах практики. Этим объясняется и феномен большей изученности языковых знаковых систем по сравнению с другими.

Таким образом, предметное поле социальной семиотики образуют следующие виды знаков и знаковых систем:

- первичные знаки — сами предметы и инструменты социально-культурной деятельности, имеющие собственное значение, когда означающее и означаемое совпадают;
- знаки с несобственным значением, в которых означающее и означаемое не совпадают;
- индексы, когда означающее находится в причинно-следственной связи с означаемым;
- иконы, находящиеся с означаемым в отношении подобия;
- символы, не имеющие никаких «естественных» отношений со своими значениями, когда связь означающего и означаемого чисто конвенциональна, задается некоей культурной традицией.

Ч.У. Моррис был не так уж далек от истины, когда утверждал, что «понятие знака может оказаться таким же фундаментальным для науки о человеке, как понятие атома для физики, химии, а понятие клетки для биологии» (Morris, 1938, p. 42). Эта роль знака заключается в его посредующей роли в освоении и осмыслении человеком действительности: «детерминация со стороны смыслов и значений... составляет специфическую детерминацию человеческого бытия» (Какабадзе, 1985, с. 300). Знаковые механизмы, средства и детерминации познания и осмысления являются выражением и результатом конкретной динамики социальных и личностных факторов развития человеческого познания и опыта. Поэтому простое различие в знаковой структуре означающего и означаемого — а именно на этом останавливаются адепты постструктурализма — нуждается при всей своей эвристичности в дальнейшей детализации и уточнении.

В предыдущих работах был экстрактирован инвариант идей Г. Фреге, Б. Паскаля, Ф. де Соссюра, В. Гумбольдта, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, А.Н. Леонтьева и других относительно содержания смысловой структуры и уровней осмысления (Тульчинский, 1985, с. 108–127; Тульчинский, 1986; Тульчинский, 2001; Тульчинский, 2006). Исходным является различие в любом элементе культуры, рассматриваемом как знак, двух сторон: означаемого, то есть содержания той деятельности,

¹ В русской культуре к такой работе подступил в свое время К. Аксаков.

того опыта, с которым связан и к которому отсылает данный знак, а также означающего — собственно материальной формы знака, с помощью которой он выполняет свою знаковую функцию. Такой формой может быть материал, из которого изготовлен предмет, пятна краски, звук, телодвижения, электромагнитная запись и т. д.

В структуре означаемого, в свою очередь, можно вычленить два основных компонента: во-первых, социальное значение — собственно социально-культурную программу, некий культурный инвариант — и, во-вторых, личный смысл, значение этого социального значения для конкретной личности.

Вспользуемся метафорой, предложенной в несколько другом контексте П. А. Флоренским. Соотношение материальной формы знака, социального значения и личного смысла подобно соотношению в двух треугольниках, образованных от пересечения двух прямых (рис. 1).

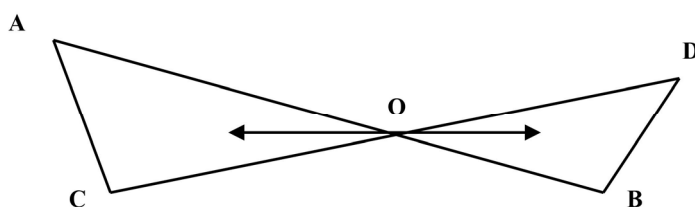

Рис. 1. Соотношение материальной формы, социального значения и личного смысла

Эти два треугольника имеют общую вершину и общий угол при этой вершине. Все остальные параметры (конфигурация, площадь и т. д.) у этих треугольников могут быть самыми разными. Личностный смысл подобен этим треугольникам. Люди общаются ради смыслов. Но возможно это только при двух условиях: наличии материальной формы знака (общей вершины) и инварианта социального осмысления — социального значения (общей величины угла при общей вершине). Например, слово «лето» у каждого вызовет свой поток ассоциаций (личный смысл): у кого-то это будет отдых на море, у кого-то — лес, грибы, ягоды, а у кого-то — огород, огород, огород... Но все понимают, что речь идет о некоем словарном инварианте социального значения, самом теплом времени года в северном полушарии.

В социальном значении можно вычленить также два аспекта: предметное значение (предметное содержание опыта) и функциональное социальное значение (собственно технологическое содержание программы деятельности). В принципе различие предметного и функционального социального значения соответствует различию объема и содержания понятия — эти логические характеристики являются точным концептуальным выражением данного различия. В общем случае предметное социальное значение может быть собственным, отсылать к материальной форме знака (например, стол имеет самого себя в качестве предметного значения), и несобственным (например, слово «стол»). Языковые знаки в своем обычном употреблении имеют несобственные предметные значения.

В личностном смысле также можно вычленить два аспекта: оценочное отношение личности к данному значению и переживание этого отношения, непосредственный опыт ощущений и восприятий. Эту систематизацию можно представить в виде схемы (рис. 2).

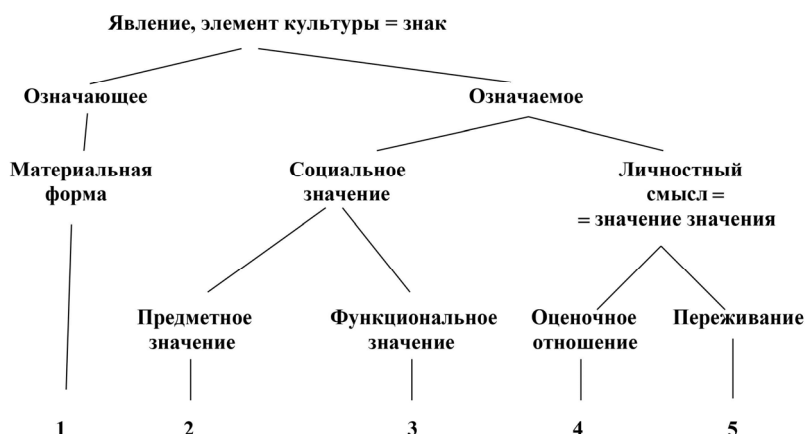

Рис. 2. Смысловая структура социального опыта

Эти компоненты могут быть выстроены в структуру, подобную детской «матрешке» (рис. 3).

Прохождение этого ряда сверху вниз демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию (распредмечивание, понимание), прохождение же этого ряда снизу вверх — объективацию (опредмечивание, воплощение) опыта.

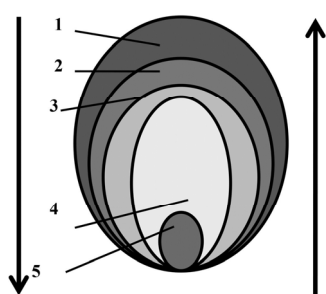

Рис. 3. Определмечивание и распредмечивание смыслового содержания социального опыта

Компоненты смысловой структуры предстают также уровнями осмысления: идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием).

Центральную роль в смысловой структуре и в осмыслении играет функциональное социальное значение, которое задается соответствующими видами нормативно-ценностных систем культуры: функционально-операционными, научно-техническими, художественными и идеологическими.

Каждый из видов нормативно-ценностных систем задает соответствующие блоки осмысления (интерпретации): функционализацию, конструктивизацию, «стилизация» (дизайн) и символизацию (Тульчинский, 1987). Один и тот же элемент культуры может иметь функционально инвариантные смысловые характеристики (например, топор должен состоять из топорича и топора с лезвием и обухом), мо-

жет иметь различные конструктивные исполнения (топор может быть металлический, каменный и т. д.), выполняться в различном стиле и иметь различные символические характеристики (например, обусловленные использованием в ритуалах).

Социальные значения не сводимы ни к собственно предмету или обозначаемому другому предмету, ни к ментальному образу этого предмета. Они — и здесь ведущую роль играют функциональные смысловые социальные значения — суть характеристики способов деятельности с данной вещью, система связей и функций предмета. Эта система и воссоздается в процессе и в результате осмысления, которое, по сути дела, есть процесс создания и воссоздания программ социально-практической деятельности, выявления и осознания идеи «сделанности» предмета. Причем сам предмет выступает как единство значения и его воплощения.

Выделенные аспекты фактически подчеркивают единую деятельностную природу смыслового содержания опыта: предмет деятельности (предметное значение), способ деятельности (функциональное смысловое значение), отношение к этой деятельности (оценка) и ее переживание. «Повторяются, возвращаются не смысловые аспекты в их предметности (то есть отвлеченные от личностной активности), а моменты живого ощущения деятельности, активности. Деятельность не теряет себя в предмете, а снова и снова чувствует единство в себе самой, в напряжении души и тела» (Бахтин, 1975, с. 64). Такое единство есть единство личностного переживания деятельности. Причем особую роль в сохранении и возврате чувства единства деятельности играет ритм, имеющий значение в организации трудового процесса, поэтической речи, в изобразительном, пластическом искусстве. Очевидно, можно говорить о фундаментальной смыслообразующей функции повторов — именно с их помощью закрепляются нейронные сети, формируя память, которая, в свою очередь, почти эвфемизм сознания, вмещаема.

Смысловое содержание социального опыта предстает, таким образом, как целостная система, элементы которой — материальная форма знака, социальное значение (включающее предметное и смысловое значения) и личностный смысл (включая оценочно-эмоциональное отношение и переживание) — суть уровни осмысления. Прохождение компонентов смысловой структуры от материальной формы (ее идентификации в восприятии) через социальное значение вплоть до глубин личностного смысла предстает как поэтапное погружение в смысловое содержание опыта. Обратное прохождение этих уровней дает представление о поэтапном воплощении, опредмечивании и объективации социального опыта.

Личностный смысл не просто наслаивается на социальное значение, выражая индивидуальное отношение к надиндивидуальному значению (Леонтьев, 2003). Содержанием как оценки, так и переживания являются оба основных компонента социального значения (предметный и смысловой) как ценностное отношение к деятельности и ее

предмету, а также как переживание этой деятельности. Поэтому точнее будет сказать, что систематизация смысловых компонентов может быть представлена в различных моделях — в зависимости от целей анализа. С позиций анализа уровней опредмечивания и распределенного социального опыта достаточна упомянутая модель. С позиций теоретико-познавательного и логико-семантического анализа центральным звеном является предметное значение, на которое наслаиваются смысловое значение и компоненты личностного смысла. С позиций психологического анализа центральным моментом становятся феномены и диспозиции сознания — компоненты личностного смысла, рассмотрение которых приводит к выявлению в них деятельностно-предметного содержания.

Обычно выделяются две семиотические традиции: одна восходит к американскому прагматизму Ч. Пирса и Ч. Морриса (семиотика), вторая — к Ф. де Соссюру и французскому структурализму (семиология). Думается, однако, что можно говорить и о третьей традиции, восходящей к В. Гумбольдту, В. Вундту, А. Фосслеру, А. Марти, продолженной в работах А.А. Потебни, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, Н.М. и М.М. Бахтиных, Л.С. Выготского, А.Н., А.А. и Д.А. Леонтьевых, подчеркивавших особую роль личности в формировании и развитии знаковых систем и смысловых структур.

Личность не только и не столько пассивный реципиент «вращения» смысловых структур. Смысл принципиально суть порождение конечной системы, каковой является человек, стремящейся постичь бесконечное разнообразие мира и вынужденной делать это всегда с какой-то позиции, точки зрения, ракурса — в каком-то смысле. Вне человека, наделенного сознанием, смыслы не существуют. Именно личностные переживания, их эмоционально-оценочная окраска — первичная среда смыслообразования и осмысления (Анкерсмит, 2003; Анкерсмит, 2014). Р. Инглхарт подчеркивает, что эмоции первичны по отношению к рационально-когнитивным факторам, которые представляют собой позднюю рационализацию эмоционально окрашенных переживаний и реакций (Инглхарт, 2018).

Поэтому для социальной семиотики важен учет именно всей полноты компонентов смыслового содержания опыта, он значим и при анализе эффективности социальной коммуникации, особенностей осмысления действительности в научном познании и в искусстве, политической деятельности и юриспруденции, в различных формах религиозности. Смысловая структура предстает как бы направленной вглубь ее содержания, выражая соотношение социального и индивидуального в динамике реализации опредмеченного социального опыта и осмысления. Очевидны и источники трудностей некоторых концепций и подходов, связанные с абсолютизацией акцента на отдельных компонентах смысловой структуры. Если общесемиотические и аналитические построения связаны с акцентированием материальной формы и предметных значений, то феноменология и герменевтика в духе философии жизни акцентируют роль неповторимых феноменов индиви-

дуального сознания. Обе крайности совпадают в главном — они в частностях ищут целое, тогда как конкретное живое осмысление предполагает актуализацию полной смысловой структуры опыта. Нет проблемы выбора между интуитивизмом, растворяющим смысл и осмысление в индивидуальной психике, и трансцендентализмом, превращающим смысл в самодовлеющую сущность. Скорее имеются два полюса — предметно-вещный и индивидуально-феноменологический, между которыми реализуется процесс опредмечивания социального опыта.

В некотором смысле такой подход аналогичен переходу в физике от кинематики, прослеживающей траектории движения, к динамике, рассматривающей силы, порождающие это движение. Поэтому такой подход можно было бы назвать «семиодинамикой». Однако использование такого термина требует дополнительных уточнений и обобщений. Скорее такой подход можно обозначить как «глубокую семиотику» («deep semiotics»). Этот термин напоминает «deep play», используемый И. Бентамом в его «Theory of legislation», когда он говорит о процессе порождения законодательства (Bentham, 1896). Однако предлагаемая концепция «глубокой семиотики» не зависит от бентамовской интуиции, хотя совпадение может оказаться интересным и перспективным в анализе соотношения нарративов и перформативов.

Предпосылки и ряд идей, важных для развития глубокой семиотики, содержатся в работах вышеупомянутых авторов, с которыми может быть связана прерванная традиция теории и философии знаковых систем, дополняющая традиционную семиотику и семиологию именно в направлении социальной семиотики как аппарата анализа социально-культурной реальности, факторов поведения человека в этом контексте.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

- Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003.
- Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., 2014.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М., 1975.
- Богатырёв П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., 2018.
- Какабадзе З.М. Проблема человеческого бытия. Тбилиси, 1985.
- Кошелев А.Д. (ред.). Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 2003.
- Тульчинский Г.Л. В каком смысле возможна теория смысла // Философские основания научной теории. Новосибирск, 1985. С. 108–127.

- Тулчинский Г.Л. Нормативно-ценностная природа осмысления действительности. Л., 1987.
- Тулчинский Г.Л. Проблема осмысления действительности. Л., 1986.
- Тулчинский Г.Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2001.
- Тулчинский Г.Л. Тело свободы. СПб., 2006.
- Bentham J. Theory of Legislation [1802]. L., 1896.
- Halliday, M. A. K. Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning. Maryland, 1978.
- Leeuwen T. van. Introducing Social Semiotics. N. Y., 2005.
- Morris Ch. W. Foundation of the Theory of Signs. Chicago, 1938.
- Press Thibault P. J. Social semiotics as praxis: Text, social meaning making, and Nabokov's *Ada*. Minneapolis, 1991.
- Randoiir A. Mapping the World: Towards a Sociosemiotic Approach to Culture. Tartu, 2004.

Об авторе

Григорий Львович Тулчинский, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тулчинский Г.Л. К проблеме смысла в социальной семиотике: глубокая семиотика как концептуальное расширение социальной семиотики // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 15 – 26. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-2.

THE PROBLEM OF MEANING IN SOCIAL SEMIOTICS: DEEP SEMIOTICS AS A CONCEPTUAL EXTENSION OF SOCIAL SEMIOTICS

G. L. Tulchinskiy^{1,2,3}

¹ St. Petersburg State Economic University
21, Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia

² Higher School of Economics' National Research University
16, Soyuzna Pechatnikov St., St. Petersburg, 190008, Russia

³ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russia

Submitted on May 29, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-2

Semiotic systems are closely associated with social practices, within which the former record, store, and disseminate social experience. These systems affect the human consciousness to change the semantic picture of the world, behaviour, and the way one perceives reality. Almost all cultural artefacts perform the function of a sign. As a semiotic system develops,

special signs emerge to replace the artefacts by denoting them. Iconic signs are based upon resemblance, index signs upon a causal relationship, and symbols on social conventions. Language is the most important system of symbolisation. Indeed, language serves as a guide to the systems of rules, values, and socio-cultural practices. In this paper, I present a model of deep semiotics, which is interpreted as a semantic structure of social experience objectified into a sign. This structure includes the material form, the referential meaning, and the personal meaning (attitudes and experiences) of the sign. This model describes the levels and dynamics of the assimilation and subjectification (de-objectification, understanding) of social experience. At the same time, the model demonstrates the objectification of experience. The components of the semantic structure represent the levels of understanding – identification, referencing, interpretation, evaluation, and empathy.

Keywords: understanding, deep semiotics, hermeneutics, meaning formation, objectification, social semiotics, social experience.

References

- Ankersmit, F., 2003. *Narrativnaya logika. Semanticheskii analiz yazyka istorikov* [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians]. Moscow (in Russ.).
- Ankersmit, F., 2014. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic policy. Political philosophy on the other side of fact and value]. Moscow (in Russ.).
- Bakhtin, M.M., 1975. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow (in Russ.).
- Bogatyrev, P.G., 1971. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Questions of the theory of folk art]. Moscow (in Russ.).
- Vygotskii, L.S., 1960. *Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii* [The development of higher mental functions]. Moscow (in Russ.).
- Inglehart, R., 2018. *Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural evolution. How human motivation changes and how it changes the world]. Moscow (in Russ.).
- Kakabadze, Z.M., 1985. *Problema chelovecheskogo bytiya* [The problem of human existence]. Tbilisi (in Russ.).
- Koshelev, A.D., ed., 1994. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartus-Moscow Semiotic School]. Moscow (in Russ.).
- Leontyev, D.A., 2003. *Psikhologiya smysla* [Psychology of meaning]. Moscow (in Russ.).
- Tul'chinskii, G.L., 1985. In what sense is the theory of meaning possible. In: V.V. Tselishchev, V.N. Karpovich, eds. *Filosofskie osnovaniya nauchnoi teorii* [Philosophical foundations of scientific theory]. Novosibirsk, pp. 108–127 (in Russ.).
- Tul'chinskii, G.L., 1987. *Normativno-tsennostnaya priroda osmysleniya deistvoitel'nosti* [The normative value nature of the understanding of reality]. Leningrad (in Russ.).
- Tul'chinskii, G.L., 1986. *Problema osmysleniya deistvoitel'nosti* [Problem understanding of reality]. Leningrad (in Russ.).
- Tul'chinskii, G.L., 2001. Freedom and meaning. A new shift in the humanitarian paradigm. In: *Rossiiskie issledovaniya v gumanitarnykh naukakh* [Russian studies in the humanities]. Vol. 16. Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press (in Russ.).
- Tul'chinskii, G.L., 2006. *Telo svobody* [Body freedom]. St. Petersburg (in Russ.).
- Bentham, J., 1896. *Theory of Legislation*. London.

Halliday, M. A. K., 1978. *Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning*. Maryland: University Park Press.

Leeuwen, T., 2005. *Introducing Social Semiotics*. New York: Routledge.

Morris, Ch. W., 1938. *Foundation of the Theory of Signs*. Chicago: The University of Chicago Press.

Thibault, P. J., 1991. *Social semiotics as praxis: Text, social meaning making, and Nabokov's Ada*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Randviir, A., 2004. *Mapping the World: Towards a Sociosemiotic Approach to Culture*. Tartu: Tartu University.

The author

Prof. Grigoriy L. Tulchinskiy, Saint Petersburg State University; 'Higher School of Economics' National Research University, Saint Petersburg; Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskiy G. L. 2018, The problem of meaning in Social Semiotics: deep semiotics as a conceptual extension of Social Semiotics, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 15–26. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-2.